

Проф. В. А. БОГОРОДИЦКИЙ
член-корреспондент Академии наук СССР

О НАУЧНЫХ ЗАДАЧАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(К XV-ЛЕТИЮ АТССР)

ТАТГОСИЗДАТ
СЕКТОР УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ, 1935

Проф. В. А. БОГОРОДИЦКИЙ
член-корреспондент Академии наук СССР

О НАУЧНЫХ ЗАДАЧАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(К XV-ЛЕТИЮ АТССР)

ТАТГОСИЗДАТ
СЕКТОР УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ, 1935

О НАУЧНЫХ ЗАДАЧАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ.

Всякое культурное строительство предполагает участие мысли, а мысли выражаются через речь устную или письменную (литературную), и чем совершеннее это орудие обмена мыслями, тем успешнее будет совершаться и культурное строительство. Наука о языке, исследующая жизнь языка и его творчество, вместе с тем участвует в его усовершенствовании, содействуя таким образом прогрессу и росту культуры.

Развитие культуры и языка у каждого народа происходит частью через самобытное творчество, а частью через восприятие достижений такой же работы других народов, у которых та или другая культурная область получила более высокое развитие. Следя, напр., за культурною жизнью европейских народов, начав хотя бы с древних греков, мы констатируем в этом движении рядом с самобытным творчеством также и перенятие новых понятий и соответствующих названий чрез соприкосновение и общение с другими народами. Расцвет древне-греческой культуры, отчасти унаследованной от древнего Востока, присоединил свои собственные богатые культурные приобретения и соответствующие им новые слова (срв. философия, геометрия, театр и пр.), дошедшие и до нашего времени; затем происходит расцвет римской культуры, которая, переняв многое от греков, с своей стороны сделала особенные успехи в сфере административной и юридической (консул, сенат и т. д.); в начале средних веков выступают на арену истории арабы, воспринявшие греко-византийское просвещение и давшие европейским народам ряд новых понятий и слов (алгебра, химия и др.); затем таким же образом оставляет свои следы эпоха возрождения наук и искусств; в XVIII век получает в Европе преобладающее влияние Франция, театр ее и комфорт богатой аристократии

вызывают подражание, и масса французских слов переходит во все европейские языки; в то же время выступает Голландия с ее мореплаванием (крейсер, рупор, шляпка и пр.), Германия, Англия и др. Все эти слова перешли и в русский язык, а через него в татарский литературный и отчасти народный. Как видим, культурное и духовное развитие народностей совершалось и совершается на почве собственного творчества и заимствования, оставляющих след в словах природных и заимствованных, так что на основании языкового материала, в связи с данными истории, археологии и проч., можно воссоздавать ход культурного развития данного народа. Имея в виду в дальнейшем остановиться на освещении культурных соотношений татарского языка с другими языками—преимущественно русским и арабским, мы должны предварительно раз'яснить существенно-важный вопрос о методе разграничения в языке природных и заимствованных слов.

Методология по этому вопросу считается с тем, являются ли языки берущий и дающий родственными или же неродственными, при чем оговоримся, что понятие родственности и неродственности языков относительно и опирается на современное состояние языкознания, но что при дальнейших изучениях языки, кажущиеся теперь неродственными, могут через дальнейшее раскрытие структурных одинаковостей, особенно морфолого-синтаксических и словарных, войти так или иначе в общее родословное древо человеческих языков. Таким образом мы признаем временно, по научным данным нашего времени, языки татарский и русский неродственными, а татарский и чувашский находящимися в родстве, хотя и не особенно близком. Для иллюстрации приведу несколько словарных сопоставлений для некоторых предметов культуры:

<i>рус.</i>	<i>там.</i>	<i>чув.</i>
овца	<i>sarьq</i>	сурӑх
дерево	<i>aqac</i>	йывӑс
береза	<i>qajьп</i>	хурӑн

Золото	<i>altın</i>	ылттӑн
серебро	<i>kөmeş</i>	кёмёл
медь	<i>vaqыр</i>	пӑхӑр
топор	<i>balta</i>	пуртӑ
и т. д.		

В общем мы находим с одной стороны массовое различие в корнях и придаточных морфемах между русскими и татарскими словами и с другой стороны—массовое сходство татарских слов с чувашскими с определенными при этом звуковыми соответствиями или корреспонденциями двух последних языков, и это различие в соотношении татарских слов с русскими и чувашскими зависит именно от степени их расхождения, так что в одном случае языки признаются неродственными, а в другом родственными. В связи с этим различием получается и некоторое различие в признаках при определении заимствований: а) при неродственных языках одинаковость слов всегда вызывает вопрос о заимствовании (рус. и тат., тат. и араб., и т. д.), б) при родственных языках (напр., тат. и чув.) в том случае, когда язык имеет не собственные звуковые корреспонденты, а корреспонденты другого, который и должен считаться источником заимствования, т. е. в случае схождения, противоречащего нормальным звуковым соотношениям.¹⁾ Поясним примером.

а) Русскому слову „завод“ соответствует в литературном татарском *zavot*, народн. *забу*т. Ясно, что татарское слово заимствовано из русского языка, в котором тот же корень имеется в целом гнезде слов, напр. *веду*, *водить*, *заведение* и т. д., чего нет в татарском. Но не всегда так легко решается вопрос об источнике заимствования. Возьмем, например, русское слово

¹⁾ Впрочем и считаемые родственными языки в ходе времени расходятся настолько между собой, что для непосредственного чутья перестают уже казаться состоящими в родстве между собой, как напр. русский, немецкий и французский, принадлежащие к одному и тому же языковому семейству (очевидно, что тем же путем могли еще более разойтись языки, считаемые теперь неродственными, некогда в глуби веков также состоявшие в родстве между собою).

„туман“ и тат. *toman* с тем же значением. В русском слове как будто выделяется суффиксальный элемент -ан, но без знаменательного отношения к корневому комплексу, не имеющему значения без этого суффикса, и кроме того данное слово имеют в славянском мире только языки русский и смежный с ним польский, тогда как оно распространено по всем тюркским языкам, и мы должны признать за русским словом „туман“ тюркское происхождение. Примером обратного случая может служить русское слово „хомут“ и тат. *qamyt*: слово встречается во всех славянских языках, тогда как лишь в некоторых тюркских, и мы признаем татарское слово заимствованным из русского языка; это слово перешло еще в немецкий язык, распространившись в нем в диалектах соседних с славянским миром. Также и некоторые другие слова, общие в русском и татарском, требуют дополнительных исследований для определения источника заимствования, напр. „тулуп“, „табун“, „таган“ и т. п.

б) В случае родственных языков требуется предварительно установить звуковые соответствия или корреспонденции между ними; напр., татарскому начальному *j*-отвечает в чув. *ç*-: *jaqa* ≠ *çуха* „воротник“, *jotırqa* ≠ *çăмарта* „яйцо“ и пр. Между тем татарским словам *jañaq* „щека“ и *juldaş* „спутник“ отвечают в чувашском слова *йнах* и *йулташ*, где вместо ожидаемого *ç* оказывается тот же согласный, как в татарском, откуда заключаем о переходе этих слов в чувашский язык из татарского. Татарскому слову *jalqın* „пламя“ родственно чувашское *çулам*; то же слово оказывается также в марийском, принадлежащем к группе финно-угорских языков, в виде *сóлым*: ясно, что слово позаимствовано в марийский язык из чувашского, а не татарского.

После сделанных методологических пояснений обратимся к самым словам, перешедшим в татарский язык из русского и арабского.

Заимствования из русского языка в татарский, происходившие на протяжении нескольких столетий, весьма многочисленны, что

зависело от превосходства русской культуры, при чем через посредство русского языка переходили в татарский язык и слова западно-европейского происхождения, относящиеся к разным сферам культуры. В народных татарских говорах позаимствованы преимущественно природные русские слова, напр., соха, борозда, рожь, солома, колесо, дуга, квашня, кисель, староста, писарь, между тем как слова европейские нашли себе место главным образом в городе и литературном татарском языке, напр., фабрика, машина, ширма, кабинет, шляпа, шарф, вагон, карета и т. д., при чем постепенно и эти слова из города переносятся в деревню. Со времени образования Татреспублики, с быстрым ростом национального просвещения, происходит усиленный приток в литературный татарский язык как иностранных слов (гл. обр. через посредство русского языка), так и русских, относящихся к сферам государственно-политической, социально-бытовой и просвещению, особенно техническому, при чем находим и словосложения нового типа, как „рабфак“, „колхоз“ и т. п. Рядом происходит и творчество на природной базе, срв. математические слова, образованные от слова *tigез* „равный“, *tigезlek* „равенство“, *tigезlэтэ* „уравнение“ и др.

С другой стороны и в русский язык входили татарские слова вместе с монгольскими, из которых первые относятся к области повседневной жизни (напр., башмак, башлык), а вторые к области административно-государственной (напр., *ям* в смысле „ямская повинность“, *баскак*—чиновник для сбора податей), а еще ранее могли поступать слова и от других тюркских народностей, проходивших по югу России и останавливавшихся там, напр., хозары, команы или половцы. Этим может объясняться то, что в юго-западных великорусских говорах и в украинском встречаются некоторые слова тюркского происхождения, которых нет в казанских говорах и в Поволжье. По отношению к языку половцев нужно отметить западно-миссионерский памятник XIV в., т. наз. „Codex comanicus“ с рядом слов, имеющих и теперь в русском языке и могших поступить в него в домонгольское время (а р б а,

улус, аркан и др.); отметим кстати, что акад. Радлов, исследовавший этот памятник, по его мнению с цоканьем, пришел к заключению, что половецкий или команский язык ближайше сроден с диалектами мишеров, но отсюда конечно еще не следует с несомненностью, что мишеры являются прямыми потомками половцев.

Слова *арабского* происхождения в татарском языке относятся главным образом к религии (напр. *alla, мәсет...*), просвещению (*kitap, мәктәп...*) и предметам торговли (*almas¹⁾ zaqfran...*); они образуют большой и особый от европейских языков ряд, особенно в литературном языке, и путь поступления их в татарский язык по большей части иной, чем переход арабских слов в западно-европейские языки, куда они стали переходить из Испании, начиная с эпохи расцвета в ней (X в.) арабского просвещения. Между тем наличие арабских слов в татарском языке в общем получила независимо от зап. Европы и связана непосредственно с мусульманской религией, культурой и наукой, охватывающими почти весь тюркский мир, кроме Сибири, особенно ее средних и восточных частей, где имели место другие религиозные влияния— буддизм, шаманизм, христианство. Казань являлась одним из видных центров мусульманского просвещения, чем объясняется то, что в настоящее время многие научные общеевропейские термины, уже перешедшие в татарский литературный язык гл. обр. через посредство русского языка, существуют в татарском языке и

¹⁾ Слово *almas* считается заимствованным в арабский язык из греко-византийского *ἀδάμας*, при чем можно допустить, что начальные звуки подверглись в арабском морфологизации к члену *al*. В самом греч. языке слово *ἀδάμας* (соб. „несокрушимый“ обозначало первоначально „сталь“, а со времени Феофраста, ученика Аристотеля, перенесено на алмаз). Арабское слово *almas* известно в каз.-татарском и др. тюркских языках; в старорусском оно встречается в описании путешествия Аф. Ник. (XV в.) вместо древнего *адамас адамант* (изб. 1073 г.); в языки зап. Европы слово поступило из греко-византийского через латинское посредство (срв. итал. *adamante diamante*, фр. *diamant*, англ. *diamond*, нем. *Diamant*, швед. *diamant*; в слав. языках—серб. *дујамант*, чеш. *diamant*, пол. *dyament*).

его словарях параллельно со старым арабским наследием, напр.: mant'jç || logika, händəsə || geometriə, imla || orfografiə, məqnədəş || sinonim, gasadxanə || observatoriə и др. Можно думать, что в ближайшем будущем большая часть арабской научной терминологии уступит свое место соответствующей общеевропейской, что послужит дальнейшему сближению татарской научной литературы с общеевропейской (орфография уже вступила на этот путь). Замечу, что арабское влияние стало заноситься в Поволжье непосредственно арабами значительно ранее, еще при Аббасидах через торговлю с волжской Болгарией и Хазарией, имевшими крупные торговые пункты в г. Болгарах на средней Волге и в Итиле в низовьях.

Теперь остановимся на тех задачах, какие предстоит выполнить научному языковедению по отношению к татарскому языковому материалу, как природному, так и заимствованному, и которые отчасти уже выполняются.

1) В **грамматическом** отношении исследование татарского языка, производимое в первую очередь на почве одного этого языка¹⁾, требуется далее расширить сравнением синхроническим и историческим (диахроническим) с другими тюркскими языками со включением монгольского и чувашского²⁾, что приведет в результате к характеристике этих языков в их сходствах и различиях, указывающих место, занимаемое среди этих родственных языков татарским языком и даже могущих пролить свет, в связи с данными истории и археологии, на историю этих языков—на их сближения и расхождения в потоке передвижений говоривших ими. В дальнейшем можно присоединить сравнение аналогическое морфолого-синтаксической

¹⁾ Здесь имеются новейшие работы Курбангалиева, Алпарова и др.

²⁾ К этой категории можно отнести мои „Этюды по татарскому и тюркскому языковедению“ (Казань, 1933) и „Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками“ (Казань, 1934). В данной области работают акад. Самойлович, проф. Поппе, проф. Дмитриев, акад. Крымский и др.

структуры татарского и вообще тюркских языков с другими, тоже агглютинирующими, но пока не считающимися с уверенностью в родстве с ними; так, напр., финно-угорские языки также не имеют грамматического рода в именах существительных и тоже знают бесчленную и членную форму существительных, имеют сингармонизм¹⁾, сходный порядок слов в предложении и пр., но с массовым словарным отличием, что может наводить на предположение об общем начале формирования этих сходств в эпохи относительной словарной и морфемной бедности этих языков при последующем самобытном и отдельном творчестве, откуда и современные столь сильные различия этих групп в словаре и морфемах. Языки японский и дравидские также имеют некоторые общие структурные черты с названными языками, но с отсутствием сингармонизма и при различии в словаре, и т. д. Такое исследование соотношений между языками, считающимися в данное время неродственными, может идти все дальше и дальше в глубь времен, служа к выяснению глоттогонических вопросов и к гипотетическому построению общего родословного древа человеческих языков. Таким образом я выдвигаю теорию одновременного ответвления языковых групп от общего ствола с последующим самобытным творчеством в связи с разными побочными влияниями (переселения, смешения, заимствования, местные природные и бытовые особенности и т. д.), при чем всякий раз группа, ранее отделившаяся от общего ствола, все более и более расходится с языком ствола и групп, обособлявшихся от него позднее. Доводы в пользу моногенезиса человеческих языков и единства и однородности глоттогонического процесса я надеюсь дать в особом труде (в соответствующей согласованности с воззрениями Дарвина и Энгельса).

¹⁾ „Сингармонизм“ считаю возможным понимать расширенно: он может быть чисто фонетическим (ср. народное русское „зободёт“, „зоростёт“ и др., фонетико-морфологическим (гат, чув. и пр.), синтаксическим (согласование прил-ного с определяемым сущ-ным, согласование глагола-сказуемого с подлежащим).

С фонетической стороны нужно стремиться к установлению соотношения между звуковой системой татарского языка и системами других языков—прежде всего русского и главных западно-европейских, а затем и иных, принимая в соображение как артикуляционные, так и акустические особенности (с обращением внимания на особенности речевой мелодии), что принесет пользу не-татарам, изучающим татарский язык, и татарам, изучающим другие языки. Здесь может стать очень полезным Казанский кабинет экспериментальной фонетики (имени проф. Богородицкого) с его приборами, старейший в Союзе и без перерыва работающий донныне—Богородицкий, Шараф, не говоря о более ранних работах не только по произношению, но и песенным мелодиям—Ершов, Берг, Андреев и др.

2) В круг культурных задач по татарскому языкознанию входит составление **научных словарей** татарского языка:

а) словаря литературного языка, обнимающего как дореволюционное время, так и советское, с полным указанием значений и иллюстрирующими примерами из писателей, по языку как литературному, так и народному и классовому, иногда могущими отражать тенденции феодализма, капитализма и наконец социализма;

б) словаря диалектологического или народных говоров, который целесообразно отложить на вторую очередь за недостаточностью имеющегося собранного материала; в нем необходимо обратить внимание и на слова и выражения новейшего времени, вызванные новыми формами социальной и индустриальной жизни деревни;

в) словаря этимологического, обнимающего корневые слова и указывающего соответствующие слова по другим тюркским языкам (также чувашские и монгольские), в которых они существуют;

г) словаря иностранных слов;

д) словаря реального с описанием и рисунками соответствующих предметов культуры в их видоизменениях, что покажет не только позднейшую форму предмета, но и ранние, там и сям бытующие, и в связи с названием поможет раз'яснить эволюцию устройства данного предмета, которая может вызываться теми или другими моментами, напр., удобством и сбережением времени при изготовлении предмета и работах с ним, а также особенностями местных условий. Так, напр., русское слово „соха“ в целом ряде говоров означает не только орудие, которым пашут, но также еще столб или жердь с развилиной наверху для перекладины при постройке навеса или сарая, и еще столетие назад на окраинах России пользовались большим основным суком с ответвлениями, заменявшими зубья бороны, а в более отдаленном прошлом такой же сук без веток применялся, как соха для борозды, как это встречается у различных дикарей ¹⁾. Подобным образом тат. *alasyq* „шалаш, лачуга“, перешедшее в русский язык (в Новг. IV лет. под 1379 г. алачюга олачуга, а под 1493 г.—лачуга), в алтайском и хакас. имеет значение „юрта из коры“, в кирг. и крым. „шалаш из ветвей“, в азерб. „войлочная кибитка“ (т. е. вариации по материалу для устройства ²⁾).

е) Наконец, к словарным работам примыкает еще выработка научной терминологии, столь необходимой для учебных руководств и научных трудов,—на базе общеевропейской и природной татарской.

3) Собираание диалектологического материала по говорам районов и их селений, содержащего разговорные фразы, пословицы

¹⁾ См. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке от древнейших времен до конца XIX столетия, М. и Л. (1930)⁹, 25, а также словарь Даля под словом „соха“. По замечанию проф. Покровского (там же) применение живой силы (скота), которая тащила бы плуг или соху, наступило позднее.

²⁾ См. словарь Радлова, т. I, стр. 362.

и поговорки, сказки и предания, песни, детскую словесность и новейший фольклор, а также и словарный материал, за время автономии сильно возросший в связи с ростом фабрично-заводской промышленности, электрификацией, переустройством сельского быта в сторону коллективизации и машинной обработки земли и т. д. (материал предстоит также выбрать из многотиражек и стенгазет). Записи должны производиться по предварительно-разработанной и установленной научной транскрипции, в целях удобосравнимости материала, собранного отдельными работниками, который таким образом будет иметь вполне научный, а не просто любительский характер, и послужит для всесторонней языковой и письменно-литературной характеристики говоров, результаты которой должны наноситься на карту или карты республики. Желательно привлечь к участию лиц музыкально-образованных для изучения в говорах речевой мелодии наряду с песней, к чему возможно присоединить еще и записи посредством фонографа; большую помощь в собирании материала можно ожидать от сельских учителей, достаточно подготовленных. Необходимо прибавить, что наряду с исследованием *татарских* говоров должно производиться исследование и *русских* говоров (тоже пока недостаточно изученных в Татарии), что послужит к выявлению возможных взаимных их влияний.

Вот те разнообразные вопросы и задачи, которые выдвигаются научным языкознанием по отношению к татарскому языку, которые отчасти уже выполняются. Несомненно они найдут свое отражение и на соответствующем учебном материале, особенно же по подготовке аспирантских кадров по отделу татарского языкознания, для которых я считал бы желательным сравнительное изучение татарского языка в кругу других тюркских языков с присоединением монгольского и чувашского, отчасти в сравнении и с другими языками, в частности агглютинативного строя.

Научная работа не должна быть оторвана от запросов *школы*, а потому видное место должны занять вопросы по усовершен-

ствованию приемов изучения русского языка татарами и обратно, в связи с особенностями и соотношением их звуковых систем, морфологического и синтаксического строя, а также и орфографии. Здесь услугу могут оказать школьные учителя наблюдениями над ученическими ошибками речевыми и орфографическими, что может внести соответствующие улучшения в преподавание.

В заключение обращу внимание на американский метод усвоения чужих языков при помощи фонографа с наговорными валиками, представляющими в образцовом произношении учебный материал на данном иностранном языке, последовательно расположенный по урокам, с присоединением учебного руководства с богатым подбором материала для упражнения; такие валики с учебным руководством по русскому языку для татар и по татарскому языку для русских много содействовали бы успешности усвоения названных языков¹⁾.

В. Богородицкий.

¹⁾ Считаю этот метод весьма целесообразным, я полагаю, что было бы желательным открыть соответствующее фонографное или грамофонное (патефонное) производство в Союзе, в особенности в Казани.

ДРУГИЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие для изучения науки о языке. Изд. 3-ье. Казань, 1910, стр. 456. Распродано.

Общий курс русской грамматики. Из университетских чтений. Изд. 5-ое, переработанное. Москва, 1935, Соцэкгиз.

Сравнительная грамматика ариоевропейских языков. Вып. 1-ый (стр. 1—144). Казань, 1914. Распродано.

Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Изд. 2-ое. Казань, 1917, стр. 207. Распродано.

Сравнительно-грамматический комментарий к текстам арио-европейских языков. Вып. 1-ый: санскрит. Казань, 1909, стр. 95. Распродано.

Лекции по общему языковедению. Изд. 2-ое, Казань, 1915 г., стр. 332. Распродано.

Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению (со многими рисунками). Вып. 1-ый: введение; сторона анатомио-физиологическая и способы экспериментального изучения ее. Казань, 1917, стр. 74. Вып. II: методология и техника экспериментально-фонетических исследований физиологического типа. Казань, 1922, стр. 50. Вып. III: физико-акустическая сторона произношения. Казань, 1922, стр. 72. Распродано.

Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных (со многими рисунками). Казань, 1930, стр. 357. Ц. 4 руб. Труд удостоен премии.

Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933 г., стр. 156. Ц. 3 р. 10 к.

Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 167. Ц. 4 р. 50 к.

Тех. ред. КАРИМОВ.

1 печ. лист. В печ. листе 38,000 зн. Тираж 1500. Наряд № 0296. Тетраевант № Б—372
Сдано в печать 20/V 35 г. Подписано к печ. 31/VI 35 г. Бум. стат. форм. 58x82 см.

Казань, Типограф. ул. Миславского, 9. 1935.

Цена 50 коп.

Заказы направлять по адресу: Казань, ул. Чернышевская, 21.
Книготорг Татгосиздата.